

Часть I

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

КУЛЬТУРА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ XX ВЕКА

Н. И. Воронина
Мордовский госуниверситет

Жизнь России XX века была отмечена тремя наиболее крупными историческими явлениями, которые повлекли за собой кардинальные «сломы» в культурном процессе страны.

Перелом, вызванный революцией, определил на семьдесят лет вперед бескультурие и бездуховность народа. Все лучшие черты сословной интеллигенции и связанные с ней характеристики дворянской, купеческой, мещанской, интеллигентской культуры были повержены одним-единственным пластом – пролетарской культурой, которая долго завоевывала свои горизонты, но так и не смогла внедриться в глубины российской ментальности.

60–80-е годы (1953, 1956, «оттепель», брежневский период) – агонизирующие режимы оказали сильнейшее влияние на ориентацию культуры. Мировоззрение резко менялось, усиливались стихия, метания то в одну, то в другую сторону.

Все это завершилось *третьим «сламом» 1991 года* – началом распада СССР, завершением краха тоталитарного режима.

Все это порождало взаимоисключающие процессы: от непомерного прославления – до неупоминания Ленина, от расцвета – до запрещения крестьянской поэзии и прозы; от сокрытия и полнейшего непризнания – до феерического взлета и глубинного проникновения в пласты русской религиозной философии; от пренебрежения к тому, что называлось «мещанством», «здравым смыслом», «бюргерским духом» (нормально торговать, нормально работать, нормально жить) – до поисков сегодня этих самых, «нормальных», форм человеческого бытия, принятых в цивилизованных странах, и, наконец, от нивелировки национального сознания, поисков единой общности «советский народ» – до ярко проявляющегося сегодня национализма.

В результате полученной свободы культура расслоилась, стала напоминать вавилонское столпотворение: «новые русские» и высшая интеллектуальная элита, молодежные и детские субкультуры на фоне устоявшихся традиций, резкое противопоставление столичного и провинциального, смешение иностранных диалектов с инвективной лексикой, «массовая культура» со своей иерархией форм и жанров на фоне возрождения академической и фольклорной культуры и т. д. При этом очень важно подчеркнуть особую культурную ситуацию в мире, не без оснований названную постмодернистской.

Отсутствие *положительной* культурной политики очевидно. А вот *отрицательная* – есть. Ибо не может быть, чтобы напористая вестернизация духовной жизни России осуществлялась сама собой, как результат действия отдельных лиц и организаций. Американизация телевидения и радио, киноэкрана, книгоиздательской деятельности, образования, языка, одежды направлена на то, чтобы преодолеть в россиянина носителя национальной культурной традиции, устранить духовные и психологические препятствия капитализации страны. От большевистской очередная «культурная революция» отличается *контридиологией*, преимущественно экономическими методами осуществления (коммерциализация культуры). И поэтому речь идет о возрождении или, точнее, о *модернизации* культуры (именно модернизация предполагает изживание тех болезненных и трагических явлений, которые принесли стране указанные выше события), а стало быть, и о возвращении к жизни тех богатейших духовных ценностей, которые были созданы нашими предками и остались актуальными для конца XX века. И эти ценности (правда, наряду с таким историческим хламом, как суеверия, цыганщина, кабацкий фольклор) и в самом деле возвращаются, что является одним из лучших достижений культуры последних лет.

На фоне эпохальных событий XX века происходил еще один важнейший культурный прорыв в реальность – *вторжение техники*, которая ускорила ритм и темп жизни, привела к урбанизации. Человечество никогда не имело возможности собрать миллиарды людей со всех континентов вокруг какого-либо зрелища – спортивного матча или концерта звезд, что нынче, благодаря телемодам, превратилось едва ли не в повседневность. С одной стороны, могущество каналов массовой коммуникации в состоянии превратить тиражирующиеся

образцы в массовую культуру, но с другой – способно более взвешенно и спокойно оценить сам феномен массовости, «толпности» как один из специфических знаков нововременной цивилизации.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ УРАЛА В ГОДЫ РЕФОРМ

Н. Б. Кириллова
Уральский госуниверситет

Социокультурная среда – один из важнейших факторов, который определяет характер процесса модернизации, являющегося содержательной базой общеисторического процесса. Культура современной России представляет собой сложное, многоуровневое, противоречивое явление, определяющее состояние общества на огромном социокультурном пространстве Евразии.

Культурное развитие Уральского региона в последнее десятилетие XX века, ставшее предметом пристального изучения, дает возможность выделить ряд черт, характеризующих данный феномен¹. Речь идет о *противоборстве* в процессе реформирования тенденций обновления сложившегося культурного достояния и способов духовной регуляции, уже не соответствующих новым потребностям общества, и *сохранения* того ценного, что поддерживает жизненно важные функции общества в его многообразной и многоуровневой системе производства и деятельности. Сюда же относится *противоречие* между необходимостью освоения современного мирового опыта и *сохранением самобытности* и уникальности своих культурных традиций. Каждая из этих противостоящих друг другу тенденций имеет соответствующее функциональное значение для полноценного существования и развития социума.

Устойчивость социокультурной среды Урала есть доказательство того, что в развитии уральской культуры на рубеже веков удалось сохранить *толерантность*, т. е. равновесие между консерватизмом и инновацией, заимствованием и самобытностью в максимально возможной в сложившихся условиях степеню.

Социокультурный феномен Урала состоит и в том, что здесь, в «опорном крае державы», представляющем собой важный элемент геополитики,